

КОНЦЕПТ «БИБЛИОТЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. ДОМБРОВСКОГО

THE CONCEPT OF "LIBRARY" IN THE WORKS OF YU. DOMBROVSKY

V. Kablukov

Summary: The purpose of the study is to analyze the «out-of-text» connections of the author's concept «library» in the works of Yu. Dombrowski with a common cultural space of the era. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time the image of the library is analyzed in a single text of the works of Yu. Dombrowski. The article discusses options for implementing the concept of «library» in the general text of the works of the analyzed author. As a result, it was found that the «library» in the work of the analyzed author is a «heap», an indefinite set of books, freely moving in space. This filling of the concept is explained, firstly, by socio-historical reasons, repression and everyday disorder of a person in the Soviet era, and secondly, by the cultural realities of the information age coming in the middle of the twentieth century.

Keywords: Dombrowski, concept, library, information age, postmodernism.

Каблуков Валерий Витальевич

Канд. филол. Наук, Российский технологический университет – МИРЭА, (г. Москва)
val.kablukov@yandex.ru

Аннотация: **Цель исследования** – проанализировать «внетекстовые» связи авторского концепта «библиотека» в творчестве Ю. Домбровского с общим культурным пространством эпохи. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые проанализирован образ библиотеки в едином тексте произведений Ю. Домбровского. В статье рассмотрены варианты реализации концепта «библиотека» в общем тексте произведений анализируемого автора. **В результате обнаружено**, что «библиотека» в творчестве анализируемого автора – это «куча», неопределенное множество книг, свободно перемещающееся в пространстве. Такое наполнение концепта объясняется, во-первых, социально-историческими причинами, репрессиями и бытовой необустроенностью человека в советскую эпоху, во-вторых, культурными реалиями наступающей в середине XX века информационной эпохи.

Ключевые слова: Домбровский, концепт, библиотека, информационная эпоха, постмодернизм.

Введение

Образ библиотеки и библиотекаря характеризует именно литературу XX века [15], в отличие от века XIX, культурному сознанию которого интереса прежде всего книга и человек, ее читающий [21]. На рубеже веков, по мнению Д. Чавдаровой [22], «наряду с мифологизацией (аксиологизацией) книги/ литературы/ библиотеки в русской литературе проявляется и другая тенденция: бегство от книг» [С.76], которое является закономерным итогом зародившегося в глубинах классической литературы экзистенциального сомнения в Слове, развития в русской литературе XX века идеи несвободы человека, как читателя, так и писателя, от навязанных текстом представлений о мире [12].

В второй половине XX века библиотека становится «концептом», одной из основных ячеек, «сгустков культуры в ментальном мире человека» [18, С.43] эпохи постмодернизма, представленной в его знаковых произведениях – рассказе Х.Л. Борхеса «Вавилонская библиотека» и романе У. Эко «Имя розы». **Актуальность исследования** заключается в рассмотрении творчества Ю. Домбровского в культурном контексте эпохи, что позволит выйти на понимание литературного процесса XX века как единого, не разделенного художественными методами и территориями.

В теоретическую базу исследования положены работы по изучению художественного произведения,

отрабатывающие алгоритмы концептного анализа, который совмещает собственно литературоведческие (культурно-исторический, сравнительно-исторический и биографический), лингвистический и культурологический методы. Основываясь на выводах С.Ю. Степанова [18] о многокомпонентности концепта, мы вслед за Л.В. Миллер [16] понимаем анализ художественных концептов как исследование воплощения концепта в художественном мире конкретного автора и моделирование его содержания. Нас интересует содержание концепта «библиотека» в творчестве Ю. Домбровского не просто как составляющая идейного уровня его произведений, но и как «ментальное образование сознания писателя, реализующее своё смысловое значение в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения» [2, С.52]. В исследовании также применяются элементы структурного и постструктуралистского анализа.

Для достижения цели исследования предполагается решить следующие **задачи**:

1. Выявить особенности семантического наполнения концепта «библиотека» в конкретной исторической и социальной ситуации середины XX века.
2. Проследить расширение концепта «библиотека» в связи с наступлением во второй половине XX века новой информационной, постиндустриальной эпохи.
3. Определить структурные отличия концепта «библиотека» в творчестве Ю. Домбровского, развивающего традиции критического реализма, от об-

раза библиотеки в постмодернизме.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и полученные в ней результаты могут быть использованы в вузовских курсах по истории литературы, при создании учебно-методических пособий.

В «Толковом словаре русского языка» Ожегова [10] «библиотека» определяется как: 1. Учреждение, собирающее и хранящее произведения печати и письменности для общественного пользования, а также осуществляющее справочно-библиографическую работу; 2. Собрание книг, произведений печати, а также помещение, где они хранятся; 3. Название серии книг, объединённых тематически или по назначению, жанру.

В этом определении для нас важна, в первую очередь, пространственная составляющая концепта: «библиотека» — это «учреждение», «помещение». Во-вторых, функциональная: в библиотеке собирают, хранят и систематизируют книги.

Функциональная составляющая становится основной в понимании «библиотеки» Т. Марковой [14]: «Библиотеку можно представить как 1) историю книг, историю каталогов и классификаций... 2) способ упорядочивания знаний» [С.17]. При этом исследователь отмечает, рассуждая о существовании библиотеки в интернет-эпоху: «Книга выходит за стены библиотеки как физического пространства, а сама библиотека становится элементом сразу нескольких информационно-коммуникативных систем» [там же, С.3]. Предметно-вещная составляющая концепта «Библиотека» в современной культуре уходит на периферию структуры концепта, перестает быть актуальной. Примечательно, что в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» [19] обе словарные статьи «Библиотека» даются с пометой «Информ», существование библиотеки мыслится только в Интернете.

В литературном процессе это общее культурно-историческое, технологическое движение к лишению библиотеки физического пространства преломляется по законам художественного творчества, наполняется духовным, эстетическим и идейным содержанием.

Не вдаваясь в подробный анализ, обозначим, что диапазон эстетических оценок существования библиотеки в русской литературе XX века достаточно широк, важно отметить, что в художественных текстах продолжает существовать оппозиция библиотеки и всего остального мира. В большинстве произведений о библиотекарях и библиотеке, последняя, как «помещение» существует, но в текстах Домбровского «библиотеки» не всегда привязаны к пространству.

При этом ослабление пространственной составляю-

щей «помещение» в концепте «библиотека» у Домбровского приводит к тому, что ключевое слово – репрезентант концепта перестает номинировать сам концепт. У Домбровского «библиотека» в самом общем виде – это «неопределенное количество книг».

Образ Каландарашвили в романе «Факультет ненужных вещей» характеризует идея «Библиотеки одной книги», он носит с собой по всем лагерям и ссылкам томик Тацита. Для Зыбина «такие книги...были как бы сам вечность. Ни в чем другом XVII век так независимо, как равный к равному, не обращался к XVIII, XIX, XX, XXI, XXII векам, как тут. И была в них еще какая-то высшая конкретность истины, то вечное, что никогда не дряхлеет» [11, 467-468].

Историк Зыбин воспринимает книгу древнеримского историка Тацита, изданную в XVII веке, как вещь, артефакт. Зыбину не интересно ее содержание – история Римской империи – ему важна материя: четкая планировка страниц, поля, шрифт. Но говоря о «вечности», главный герой дилогии «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» понимает ее как неразрывное, линейно развивающееся движение времени, в котором книга лишается основной своей функции – носителя знаний. Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» говорит об этой особенности старинной вещи так: «Она лишена какого-либо выхода в практику и явлена нам исключительно затем, чтобы нечто означать. Она неструктурна, отрицает структурность в принципе, знаменует собой совершенное отречение от первичных функций. Однако же она не является нефункциональной или просто «декоративной», и в рамках системы у нее есть вполне специфическая функция: ею обозначается время» [1, С.82].

Для Каландарашвили же, для которого непонятно, «для чего нужно было» отливать шрифты для книги из серебра, экзистенциально переживает содержание книги Тацита: «Вот все и думаю, и понять не могу – кто ж он, обделенный и разочаровавшийся соучастник злодеяний или смирившийся и уцелевший свидетель их?» [11, С.468]. Каландарашвили как одна из форм презентации авторского сознания вступает в диалог с прошлым, пытаясь из него извлечь ответы на вопросы настоящего. Для него томик Тацита не «подделка» (в терминологии Бодрийяра), а истинная вещь, которая дает «человеку уверенность не в посмертной жизни, а в том, что он уже теперь постоянно и циклически-контролируемо переживает процесс своего существования, и тем самым символически преодолевает это реальное существование, неподвластное ему в своей необратимой событийности» [1, С.109].

Каландарашвили мифологизирует, выводит книгу из линейного времени в круговорот вечности, при этом для него важна интерпретация текста. Такое отношение

к книге зародилось еще в эпоху Средневековья, в эпоху «библиотеки одной книги», когда целью чтения стало восстановление скрытого смысла текста, когда толкование священной книги становилось способом познания высших, вечных истин в конкретном времени.

Еще один тип библиотеки, выявляемый в текстах Ю. Домбровского, - личная библиотека, генетически связан с литературной традицией, по которой «в произведениях русских классиков чтение и библиотека/книжный шкаф как важный элемент интерьера дворянского дома обычно аксиологизированы, но в некоторых случаях их ценность поставлена под вопрос с разных точек зрения» [22, С.77]. Книги, окружающие литературного героя, его личная библиотека – знаковая система, в которой в классической литературе прочитывался характер персонажа. В произведениях XX века такое понимание «библиотеки» осознается как ложное, утопическое.

В 1949 году Юрий Домбровский получил очередной срок по показаниям писательницы Ирины Стрелковой. О своем знакомстве с ней Домбровский рассказывал позже так: «Она была умна, остроумна, с ней было интересно разговаривать, и эта встреча, как не смешно звучат эти слова ныне, была светлым лучом в моем темном и тесном царстве... У нее были прекрасные книги, и самое главное – у нее был Хемингуэй» [6, С.328].

На смену чтения книги как способа познания высших истин, способа проникновения в себя через «другого», приходит идея «владения» книгой. Знаковая система личной библиотеки перестает существовать, рушится, книги, окружающие человека, ничего не говорят о нем. Напряженное переосмысление концепта «библиотека», лишение его пространственных и функциональных составляющих подается автором в реалистическом ключе, объясняется в первую очередь социально-историческими причинами.

В художественных произведениях Домбровского наблюдается деконструкция текстов не только личностного уровня, но и священного, сакрального содержания. В романе «Хранитель древностей» главный герой Зыбин сходится с человеком системы - директором музея в интересе к эпохе зарождения христианства. Директор помнил «наизусть и тексты, и критику их» [8, С.73], Зыбин тоже знал «тексты», но первый с их помощью проводил антирелигиозную пропаганду, второй – искал истоки кризиса античной мысли. Священные книги и тексты в системе ценностей новой эпохи становятся «подделками», симулякрами, или приобретают экзистенциальную, личностную, индивидуальную интерпретацию, что, уже в системе ценностей христианства, является ересью.

Если в классической литературе домашняя библиотека – система конвенциональных знаков о человеке,

то в литературе XX века книга под влиянием энергетики релятивизма превращается из знака в симулякр, соответственно, и библиотека становится симуляцией антропоморфности.

Библиотека «выходит» из помещения, теряет место постоянного «проживания», более того, «книга», как технологически оформленный предмет, перестает играть в библиотеке главную и единственную роль, «книгу» «подвигает» «текст», не привязанный ни к переплету, ни к планировке страниц, ни к «серебряным шрифтам». «Тексты» не локализованы, «библиотека» появляется там, где есть неопределенное количество текстов, даже если это сознание человека, его память. На смену дворянской библиотеке «книжного шкафа» в культурном сознании русской литературы XX века приходит «круг чтения», иногда пространственно оформленный в библиотеку «книжной полки». Это объясняется социально-историческими причинами, бытовой неустроенностью человека в новом социалистическом обществе, а с точки зрения развития культуры говорит о возникновении новой мифопоэтической модели пространства, которое по В.Н. Топорову «всегда заполнено и всегда вещно, вне вещей оно не существует...» [20, С.234]. Новая модель пространства – это пространство симулякров, где любая истинная вещь кажется подделкой, по Ж. Бодрийяру, «она и действительно подделка, постольку поскольку выдает себя за подлинную в рамках системы, основанной отнюдь не на подлинности, а на абстрактно-исчислимом знаковом отношении» (1, С.83).

Городской топоним «Государственная публичная библиотека им. Пушкина» появляется в текстах Домбровского несколько раз. Первый раз в газетной статье 1937 года «Книжные богатства Казахстана», а затем автор ссылается на эту статью, цитирует ее в романе «Хранитель древностей» (1964 г.) и очерке «Деревянный дом на улице Гоголя» (1973 г.). Есть упоминание об Алма-Атинской библиотеке в исследовании о Пушкине «И я бы мог» (1975г.), в очерке «Кто же вы, Жозеф Кастанье?» (1965 г.).

В нехудожественных текстах Домбровский вспоминает, как он, работая в библиотеке, обнаружил там большое количество книг, имеющих историческую и культурную ценность. Собственно, об этих изданиях и об условиях их хранения была статья 1937 года.

В романе «Хранитель древностей» борьба за сохранение фонда Алма-Атинской библиотеки не становится элементом фабулы, коллизия возникает вокруг статьи о библиотеке, одна из сюжетных линий романа – столкновение Зыбина с ее директором Аюповой. Главный герой романа говорит о наличии «старинных вещей», система требует, чтобы он рассказал о количестве читателей. Пространственная составляющая концепта «библиотека» - «помещение» - уходит на периферию ху-

дожественной модели мира романа, не реализуется как сфера существования персонажа и книги. Происходит перекодировка познавательного концепта в художественный, авторский. Книги в произведениях Домбровского не привязаны к месту, пространству, к помещению, они свободно перемещаются: в «Хранителе древностей» «незаинвентаризованное» первое издание «Книги автора Галилео Галилея...» оказывается «чудесным», в представлении Зыбина, образом из хранилища библиотеки в музее.

В произведениях Домбровского персонажи, не имеющие даже личных библиотек, по мере необходимости собирают вокруг себя книги, количество которых стремится к бесконечности, а качеством они часто являют собой библиографическую редкость. Рассказывая о замысле, написании и публикации романа «Державин», Домбровский вспоминает: «Четыре книги инфолио лежали у меня на столе. Это были тома роскошного девятитомного издания Грота «Сочинения Державина» [4, С.306]. Для художника Иткинда в одноименном очерке перед началом его работы над бюстом Шекспира было собрано столько материалов, что «не хватило ни стола, ни кровати, пришлось переползти на пол» [9, С.42], а среди материалов – гравюры XVII века из библиотеки Театральной школы и Алма-Атинской публичной библиотеки, но художник среди множества выбирает всего два источника, и его выбор вызывает у автора недоумение. О своей работе над текстами о Шекспире Домбровский говорит так: «...я прочитал, наверное, почти все главное, что написано о Шекспире на пяти языках» [5, С.297]. Космогоническая модель рождения гармонии из хаоса реализуется в творчестве Ю. Домбровского в идее создания Текста из хаоса, который представлен бесконечным множеством объективно не связанных между собой текстов, существующих рядом с творцом. Художник не ставит перед собой задачу объединить их в интертекст, более того, для человека логоцентристского сознания такая задача видится нами невыполнимой. В метапоэтическом тексте «Ретлендбэконсоутгемптоншекспир». О мифе, антимифе и биографической гипотезе» Домбровский так формулирует основной прием своего творчества: «... документ – это то, с чего следует начинать рассказ, но в само повествование он может и не входить. Подлинное творчество лежит уже за ним» [7, С.280].

В художественном мире Домбровского понимание беспредельности количества книг приводит к переосмыслению «системности» как функциональной составляющей общего концепта «библиотека».

В очерке «И я бы мог...» Домбровский вспоминает, как он работал в 30-х годах в Алма-Атинской библиотеке «индексификатором»: «Книг было много, как потом оказалось, более полумиллиона. Все они лежали в подвале, в шершавых, плохо сбитых ящиках, и когда эти ящики

расколачивали, а книги вытаскивали и складывали в общие кучи, уже невозможно было определить, что тут и откуда» [10, С.263]. Хаос обозначается как «куча», элементы которой невозможно систематизировать, обозначить с помощью сочетаний букв и цифр, к какому разделу относится данная книга. Поэтому первое издание Галилея в «Хранителе древностей» – «незаинвентаризованное». Мифологическая модель рождения логоса из хаоса в культурной ситуации второй половины XX века переосмысливается автором. От выбора из неупорядоченного множества источников относительно достоверного факта к созданию на его основе художественной гипотезы, «обоснованной догадки» – такова, по Домбровскому, динамика творчества. Она напоминает работу со структурой данных в программировании, терминологически обозначенной словом «куча», которая организована как «дерево» с выделенным «корневым узлом»

Домбровский организует, структурирует хаос, перебирая его элементы, создает свой собственный логоцентричный мир.

Рассуждая о знаковом в культуре постмодернизма романе У.Эко «Имя розы», Ю.Лотман предлагает две трактовки образа библиотеки – лабиринта. По первой – из лабиринта можно найти выход, по второй – выхода из лабиринта нет [13].

В постмодернистской культуре «библиотека» – «помещение», организованное по принципу лабиринта, ризомы, «корневища», противопоставленного Делёзом и Гваттари [3] «дереву»: у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа.

Творчество Ю. Домбровского, продолжающего традиции критического реализма, пронизано переживанием новой духовной ситуации, в которой рядом существует и развивается литература и философия постмодернизма. Общность культурной ситуации приводит к тому, что в творчестве художников и мыслителей для текстуального оформления мира используются общие концепты, наполнение которых определено как эпохой, так и индивидуальным знанием о мире, и, собственно, методом его оформления.

Заключение

Проанализировав содержание концепта «библиотека» в творчестве Ю. Домбровского, мы пришли к следующим выводам:

1. В структуре концепта «библиотека» в творчестве анализируемого автора значение «помещение» уходит на периферию. Конкретная историческая, социальная ситуация середины XX века превратила «библиотеку» в симулякр места хранения истинных знаний, а эпоха репрессий сделала невоз-

- возможным индивидуальное собрание книг.
2. «Библиотека» у Ю. Домбровского – это неопределенное множество книг, свободно перемещающееся в мире. Выход книги за пределы физического пространства, «помещения», - признак наступившей интернет-эпохи, где информация хранится, как и в художественном мире Ю. Домбровского, в «куче», систематизированной по принципу «дерева». То, что вторичная авторская номинация «неопределенного количества книг» и термин программирования, определяющий множественность информации, обозначены одним словом - «куча», видится расширение лексического значения сло-

ва, связанного с общими изменениями в когнитивной деятельности коллективного сознания.

3. В эстетическом оформлении наступившей эпохи «библиотека – куча, дерево» Ю. Домбровского и «библиотека-лабиринт, ризома» У. Эко и Х.Л. Борхеса – разные варианты структурного и образного оформления общего концепта культурно-исторической эпохи.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении реализации культурных концептов постиндустриальной эпохи в художественных произведениях реализма XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. Изд-во «РУДОМИНО», М., 2001, 224 с.
2. Васильева Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 7 (18) 2012, часть 1, С.51-54.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. У-Фактория, Астрель, 2010, 872 с.
4. Домбровский Ю.О. Деревянный дом на улице Гоголя. Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 1. С. 289-324
5. Домбровский Ю.О. Итальянцам о Шекспире. Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 3. С. 296-305
6. Домбровский Ю.О. Письмо С.Антонову. Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 6. С. 326-336
7. Домбровский Ю.О. Ретлендбэконсоутгемптоншекспир». О мифе, антимифе и биографической гипотезе. Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 3. С. 279-295
8. Домбровский Ю.О. Хранитель древностей. Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 4. С. 5-288
9. Домбровский Ю.О. Художник Иткинд. Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 6. С. 26-46
10. Домбровский Ю.О. «И я бы мог. . .». Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 1. С. 262-288
11. Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей. Юрий Домбровский. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА, 1992-1993. Т. 5. С. 5-631
12. Каблук В.В., Косицына Е.Ф. «Ното post scriptum» в драматургии А. Платонова и Н. Эрдмана: традиции и новаторство // Наука и школа. 2023. № 3. С. 11–17.
13. Лотман Ю. Выход из лабиринта. Эко У. Имя розы. М., 1998. С. 650-669.
14. Маркова Т.Б. Библиотека в контексте культуры: философско-культурологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Санкт-Петербург, 2008, 35с.
15. Матвеев М.Ю. Книжные люди в русской литературе XX века Библиотечное дело. 2003 (А). № 10. С. 36–39; Матвеев, М.Ю. Книжные люди в русской литературе XX века. Библиотечное дело. –2003 (Б). № 11. С. 36–39; Матвеев, М.Ю. Книжные люди в русской литературе XX века. Библиотечное дело. 2003 (В). № 12. С. 41–43.
16. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): дисс. . . . д-ра филол. наук. СПб., 2004. 303 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. <https://gufo.me/dict/ozhegov>
18. Степанов С.Ю. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
19. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под ред. Г.Н. Складчиковой. М., Эксмо, 2006. 1136 с.
20. Топоров В.И. Пространство и текст. / Текст: семантика и структура. М., «Наука», 1983. 302 с., С.227-284.
21. Чавдарова Д. Ното legens в русской литературе XIX века. Шумен: Аксиос, 1997, 141 с.
22. Чавдарова Д. Книга / литература / библиотека как антиценность в творчестве В. Брюсова и А. Блока. Филологический класс, 2021, Т. 26, № 4, С. 76–84.
23. Что такое куча. Код. Журнал Яндекс Практикума. <https://thecode.media/heap/?ysclid=Imn2umdbcf426116655>

© Каблук Валерий Витальевич (val.kablukov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»